

Глава 15: Неверный сын

Гуань Суй вернулась в главный дом после просмотра спектакля. В холодную погоду она не хотела идти и приглашать зевак, поэтому только приказала Минфану принести несколько палочек лекарства от боли в башню Цзинчжэ, чтобы навестить молодого господина. Минфан подумала, что Чжао Лулу тоже там, и радостно ушла, держа в руках парчовую шкатулку.

"Посмотрите на ее легкомысленный вид, даже я вижу это, а я думала, что вы ничего не знаете, госпожа". Минглан плюнула на ее покачивающиеся бедра со спины.

"Не беспокойся о ней. Минфан - умный человек, который знает, как добиться прогресса. Я найду для нее хорошее будущее через несколько дней". Гуань Суй держала в руке маленькие ножницы, медленно обрезаая несколько веток красных слив и вставляя их в вазу одну за другой в правильном положении. Во всяком случае, дни в особняке маркиза вовсе не были печальными. Там были хорошие шоу, которые можно было посмотреть, и там были чистые дворы и группы слуг, что гораздо удобнее, чем быть монахиней.

"Госпожа, вы хотите продвинуть ее в качестве наложницы? Будьте осторожны с воспитанием тигров, это навлечет беду!" Минглан нахмурилась, пытаясь отговорить ее.

"С сегодняшним беспорядком мне удастся одурачить старую госпожу и Чжао Лули, но не забывайте, что все еще есть семья Е. Всего через несколько дней после того, как я вошла, я убедила господина маркиза избить его сына. Как семья Е может просто так оставить это? Хотя их официальное положение не является выдающимся, во дворце все еще есть Цзеюй Няньнянь. Они не будут открыто пытаться разорвать лицо семьи Гуань, но легко добавят мне препятствий. Я предполагаю, что через несколько дней мадам Е придет и убедит Чжао Лули принять дочь семьи Шу в качестве наложницы. В конце концов, она настоящая тетя, а это гораздо надежнее, чем такой посторонний, как я. Расставив вазу с красной сливой, Гуань Суй медленно убрала со стола мелкие ветки и листья, ее глаза были немного пусты.

"А? Господин маркиз только что женился на Вас и так скоро взял наложницу, разве это не смутит вас на публике?" Отец и сын семьи Гуань никогда не принимают наложниц, поэтому Минглан выглядела крайне удивленной. Только тогда она поняла, почему у ее госпожи не могло быть чувства принадлежности к особняку маркиза. По сравнению с простым и красивым домом Гуань, это место было просто кострищем!

"Неужели мужчин, которые берут наложницу после женитьбы в течение нескольких дней, можно считать единицами? Посмотрите на торговца по имени Ли на востоке города. В тот день, когда он женился на своей жене, он принес три маленьких розовых детских кресла. Другие только вздыхали и называли его романтиком. Этот мир уважает мужчин, кто будет сочувствовать женщинам и защищать их? Мы бессильны сопротивляться, мы можем находить радость только в печалих, вот и все. Если Чжао Лули согласится на просьбу семьи Е, я просто помогу ему найти еще несколько и понесу их вместе, пусть они вместе войдут в дверь, чтобы сделать ее оживленной." Столешница была убрана, ваза поставлена у окна, Гуань Суй развязала пояс и была готова лечь спать, на ее лице не было печали.

Минглан очень осторожно помогла ей лечь, в душе молясь, чтобы мисс не понравился господин маркиз, чтобы у нее не было синяков по всему телу, если она не сможет тронуть его сердце. Оказалось, что выйти замуж в высокие ворота - такое трудное дело. Лучше найти честного фермера.

Свет в главном доме был выключен, Чжао Лулу и старая госпожа еще некоторое время

размышляли о себе, прежде чем поспешить в башню Цзинчжэ. Внутри и снаружи здания горели яркие свечи, и все больше слуг входили и выходили, входили и выходили из здания, держа в руках тазы, тряпки и другие вещи, а несколько человек высыпали разбитый фарфор с помощью совка для мусора. Было видно, что разгром не был легким.

Прежде чем эти двое приблизились, они услышали, как Чжао Ван Шу раздраженно выругался: "Гуань Ши, эта сука, этот старик убьет ее, достань мое мачете", и между ними раздался громкий шум бросания предметов. Служанки одна за другой избегали двери, но Чжао Чуньси стояла у кровати и продолжала уговаривать его не сердиться и быть осторожнее с раной.

Чжао Лули и старая госпожа, которые были напуганы словами Гуань Суй, не могли больше избегать его в это время. Десятилетние дети больше не считались маленькими, и те, кто был умным и выдающимся, теперь начали проявлять свои признаки, и на поле боя детей племени Цзюли такого возраста можно было встретить повсюду. С другой стороны, Ван Шу ничем не отличался от хулиганов, которые весь день бродили по улице.

"Зловещий! Сначала я жалела его, потому что его мать умерла, когда он был маленьким, и просто баловал его, но мог ли он быть избалован до такой степени. Теперь Яньцзин назначен столицей страны, и нынешняя ситуация не так хороша, как раньше. Если он побежит устраивать неприятности снаружи и обидит кого-то, кого не следует обижать, даже один падший хребтовый зверь может убить нескольких дворян имперского клана. Кто может защитить его? Ты ожидаешь, что это будет та сука? Чэнь Гуан, твоя жена права, Ван Шу действительно нужно правильно учить, иначе он неизбежно пойдет по кривой дороге." Тон старой госпожи был подавленным, ее лицо было пристыженным, как будто она за одну ночь постарела на десять лет

Чжао Лули не потрудился разозлиться на свою мать в этот момент и быстро вошел во внутреннюю комнату, строго крича: "Негодный сын, ты не съел достаточно ротанговой плети, все еще хочешь добавить еще пятьдесят?".

Чжао Ван Шу очень боялся своего отца. Увидев, что он вошел, он сразу же остановился. Чжао Чуньси поспешно встал перед кроватью и крикнул: "Папа, не бей, брат невежественный, если тебе есть что ему сказать, пожалуйста, говори медленно".

"Ему будет одиннадцать после нового года, почему он все еще невежественный?" Чжао Лули не беспокоился о травме сына. Позвал нескольких молодых слуг и спросил их, как он справляется в клановой школе. Где маленький слуга осмелился сказать правду и искренне похвалил молодого господина за то, что он был чрезвычайно умен, прилежен и трудолюбив, и его будущее было безграничным.

Чжао Лули усмехнулся, услышав это, и приказал экономке взять книжный шкаф его сына и посмотреть его. Там были ножи, рогатки, резьба по дереву, выпечка и другие вещи, но книг не было. Наконец он достал из нижнего уголка скомканный шарик рисовой бумаги, развернул его, и его чуть не вырвало кровью от злости. Он увидел сверху написанное кривым, неразборчивым почерком — Конфуций сказал: Учись и учись время от времени, не так ли? Разве это не радость - иметь друзей, приезжающих издалека? Люди, которые не знают, не чувствуют себя обиженными, а не дворянином? Люди не знающие, но не ошеломленные, это не дворянин. (Из Аналектов давайте перефразируем это: Конфуций сказал: "Я очень счастлив, когда вовремя пересматриваю и применяю на практике то, чему научился. Разве не очень приятно иметь друзей издалека? Другие меня не понимают, но я не сержусь. Образованный дворянин?")

Всего там было тридцать символов, шесть были неправильными, некоторые штрихи были

слишком большими, некоторые ленились писать, поэтому он использовал чернильную палочку. Как это могло быть написано десятилетним мальчиком и наполовину подростком? Это было хуже, чем у маленького ребенка, который только начинал! Гнев Чжао Лули поднялся до макушки и вызвал у него головокружение; старая госпожа наклонилась, чтобы взглянуть, и тоже несколько раз тревожно вздохнула, прежде чем ей удалось взять себя в руки.

“Так как вы, люди, не умеете хорошо служить хозяину, то вам не нужно служить, все вы идите домой. Люди, приходите, берите ротанговую трость, сегодня я ударю это злое существо и заставлю ему признать свои ошибки!” Чжао Лули потер рисовую бумагу. Чжао Лули скомкал рисовую бумагу и ударил ею по голове маленького слугу, который опустился на колени и умолял. Вошла группа охранников, оттащила нескольких человек и по дороге предложила жесткую ротанговую трость.

Чжао Чуньси подумала, что ее папа возненавидит Гуань Ши, услышав то, что она сказала, а затем бросилась извиняться перед своим младшим братом. Потом она снова плакала, притворяясь, что великодушно говорит несколько слов Гуань ши, папа становился виноватым и еще больше огорчился из-за ее обид. Но реальность противоречила тому, чего она хотела, и характер ее отца не имел никаких признаков ухудшения, он явно становился все более и более злым.

Что эта сука Гуань сказала папочке? Она выругалась в душе, но две струйки слез скатились из уголков ее глаз, она обняла ноги Чжао Лули и опустилась на колени: “Папа, пожалуйста, не бей, Ван Шу знает, что он неправ!”

“Откуда он узнал, что был неправ?” Чжао Лули боялся причинить боль своей дочери, все еще держа трость и не смея пошевелиться.

Чжао Ван Шу был хулиганом, но боялся трудностей, поэтому он поспешно сказал: “Папа, я действительно знаю, что был неправ. Я не должен оскорблять Гуань Ши.” Он почувствовал себя обиженным и заплакал: “Я просто слишком сильно хочу иметь мать. Мама может играть со мной, заботиться обо мне, трогать меня за лоб, когда я болен, и гладить по спине, когда я сплю. Я просто хочу такую мать, но Гуань Ши отказалась сопровождать меня, она даже невзлюбила меня и хотела прогнать”.

Это было самое искреннее желание в его сердце, но даже если Гуан Суй из прошлой жизни оправдала все его надежды, он не чувствовал к ней и половины благодарности. Вот почему в этой жизни она узнала, что на самом деле означает “каменное сердце”.

Но у Чжао Лули и старой госпожи не было каменного сердца. Когда они услышали это, их гнев испарился в ничто, они также забыли наказать его должным образом, у них скисло в носу, и они оба прослезились. Чжао Чуньси быстро схватил трость и бросил ее охраннику у дома.

Чжао Лули был очень слаб, и он пробормотал, подумав немного: “Если ты будешь послушным в будущем, твоя мать, естественно, будет любить тебя. Сегодня я расскажу тебе суть дела, чтобы в будущем ты не попал в большую катастрофу. Наш маркиз Чжэньбэй уже умирает, отец в этой жизни не может снова стать придворным. Какова жизнь благородных семей, у которых есть титул, но нет власти? Ты поймешь, посмотрев на особняк принца Цзиня и особняк принца Чэна.”

Принц Цзинь и принц Чэн были заключены в тюрьму за заговор, и их жизнь была бедной и нищей, с ними повсюду обращались как с отморозками. Чжао Ван Шу и несколько товарищей по играм перелезли через стену особняка принца Чэна, забросали принца Шизи камнями,

оскорбляли его, плюнули в него и унизили настолько, насколько это было возможно, так что он сразу почувствовал, как будто это случилось с ним. Он сказал с недоверием: “Да, папа, наш маркиз Женбэй Манисон не будет таким плохим...”

“Рано или поздно. Тебе просто нужно помнить, что мои отношения с императором не так близки, как говорят слухи, все это в прошлом. Напротив, теперь он видит во мне бельмо на глазу и занозу во плоти, и, возможно, однажды он попытается избавиться от меня. И семья Гуань сейчас в полной славе и в сердце императора. Даже не называй меня своим папой, даже император должен быть почтителен и проявлять ученическую вежливость перед Старым Мастером Гуань. Возможно, твоему будущему придется полагаться на поддержку семьи Гуань, папа уже бессилен.”

Если бы не посредничество Е Чжэня во дворце, Чжао Лули считал, что он умер бы сотни раз. Чтобы двое детей хорошо ладили с Гуань Ши и сделали их жизнь безопасной и процветающей, Чжао Лули пришлось отказаться от чувства собственного достоинства и открыть перед ними самую постыдную правду.

Видя, что его сын все еще не может смириться, ему ничего не оставалось, как спросить: “Ты тоже сын Господина, есть ли кто-нибудь, кто хочет поиграть с тобой в будние дни?”

“Нет, не хочу”. Лицо Чжао Ван Шу было серым, как смерть, как будто он понял, почему его всегда отвергали другие благородные дети. Он перестал шуметь, медленно уткнулся головой в мягкую подушку и заплакал. Чувство неполноценности и страх мгновенно охватили его сердце.

Чжао Чунся очень рано стала мудрой и, естественно, знала больше, чем ее младший брат. Даже если она очень не хотела, но ей пришлось признать некомпетентность своего отца и силу семьи Гуань. Вот почему она признала Е Чжэнь поддержкой своей семьи, потому что она была ее единственной помощью. Она ненавидела трусость своего отца, ненавидела пристрастность и бессердечие старой госпожи, а также ненавидела Гуань Суй за то, что она смотрела на людей свысока. Но что можно сделать? С ростом статуса семьи Гуань ее личность внезапно стала гораздо более ценной, о чем свидетельствовали череда приглашений и поздравлений в последние дни.

Поскольку так называемое слово “терпение” приставляет нож к ее горлу, через некоторое время она сможет наслаждаться своей жизнью, и рано или поздно в будущем появится шанс очистить Гуань Ши. Подумав об этом, Чжао Чунся тоже смягчился.

Увидев, что его дети наконец приняли урок, Чжао Лулу обнял их и заплакал. Сегодня он заживо содрал кожу с лица и бросил свою самооценку на землю, но если бы дети могли вырасти здоровыми и невредимыми, то все того стоило.